

парламентаризма и предпринимательства. – Минск, 2008. – Вып. 6: Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития. – С. 2–19.

22. Амандыкова, С. К. Становление парламентаризма как одна из ценностей казахстанского конституционализма / С. К. Амандыкова // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт: материалы науч. конф., Москва, 21–23 мар. 2002 г. / МГУ; редкол.: С. А. Авакьян [и др.]. – М., 2003. – С. 116–125.

23. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата / С. В. Васильева, В. А. Виноградов, В. Д. Мазаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2011. – 560 с.

24. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. / С. А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. – Т. 2. – 907 с.

25. Арутюнян, Н. Ю. Парламентаризм в трансформации общественно-политической жизни Республики Армения: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Н. Ю. Арутюнян; Ин-т нац. стратег. исслед. им. Д. Канаяна МО РА. – Ереван, 2013. – 32 с.

25. Олейник, И. И. Парламентаризм в системе народного представительства [Электронный ресурс] / И. И. Олейник // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2019. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/parlamentarizm-v-sisteme-narodnogo-predstavitelstva/viewer>. – Дата доступа: 12.02.2021.

26. Парламентское право России / Т. Я. Хабриева [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 400 с.

27. Нудненко, Л. А. Конституционное право России / Л. А. Нудненко. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 500 с.

28. Авакьян, С. А. Федеральное Собрание – парламент России / С. А. Авакьян. – М.: Российский юрид. издат. дом, 1999. – 432 с.

29. Шульженко, Ю. Л. Понятие «парламентаризм» в современной отечественной науке [Электронный ресурс] / Ю. Л. Шульженко // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2017. – № 5(63). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-parlamentarizm-v-sovremennoy-otechestvennoy-nauke>. – Дата доступа: 12.02.2021.

(Дата подачи: 25.02.2021 г.)

П. А. Барахвостов

Белорусский государственный экономический университет, Минск

P. A. Barakhvostov

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 1:304.5

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ФРОНТИРОВ (НА ПРИМЕРЕ ОСМАНСКОЙ ВЕНГРИИ)

THE FORMATION AND EVOLUTION OF THE CIVILIZATION FRONTIER (ON THE BASIS OF THE CASE OF OTTOMAN HUNGARY)

В настоящей работе на примере Османской Венгрии в рамках интегрально-институционального подхода анализируется процесс формирования и эволюции цивилизационных фронтиров. Выделены причины низкой скорости эрозии фронтирных признаков: слияние

в пределах фронта социальных систем с различными типами доминирующих базовых институтов; отсутствие эффективного управления фронтальной территорией; имплантация одного социума в другой без межэтнической, социальной, конфессиональной миксации. Процесс формирования нового социума в данных условиях приводит к нарастанию внутренней турбулентности и, в конце концов, к распаду зарождающейся социальной системы.

Ключевые слова: цивилизация; фронт; базовые институты; институциональная матрица; Османская Венгрия.

Herein, the case of Ottoman Hungary is employed to analyze, within the integral institutional approach, the process of formation and evolution of civilizational frontiers. The reasons for the low speed of the erosion of frontier attributes are specified: merger within the frontier of systems with different types of dominant basic institutions; lack of efficient administration of the frontier territory; implantation of one society into another without proper interethnic, -social, and -religious mixing. The process of formation of the new society under such conditions leads to the ever growing inner turbulence and, ultimately, disintegration of the forming social system.

Keywords: civilization; frontier; basic institutions; institutional matrix; Ottoman Hungary.

Сложные процессы турбулентности в современном мире, попытки переформатирования геополитического пространства актуализировали проблему исследования фронтиров. Существует множество трактовок данного концепта. В соответствии с классическими работами Ф. Дж. Тернера [1], фронт – это особый вид границы, осуществляющей как пространственное, так и социокультурное разделение. Р. Биллингтон определяет фронт как «географический регион... где низкая плотность населения и обычно богатые и слабо разработанные природные ресурсы обеспечивают исключительную возможность для улучшения социального и экономического статуса мелких собственников» [2]. И. Я. Левяш отмечает, что «фронт – это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций» [3, с. 194]. В отличие от междоусударственной четко выраженной границы, это размытая область «переменной ширины» [4], характеризуемая культурной мозаичностью, «неустойчивым равновесием» [5, с. 82]. Фронтиры – это «своеобразные инкубаторы для формирования и развития новых обществ» [6, р. 14]. Какими же факторами определяется размер этой «зоны неопределенности» и характер ее эволюции? Решению данной проблемы и посвящена данная работа, в которой анализируется феномен Османско-Австрийского фронта – Венгрии времен Османского владычества. Этот случай представляет интерес, поскольку связан с опытом межкультурного взаимодействия.

Исследования базируются на неинституциональном подходе, в соответствии с которым общество представляет собой целостное интегрированное образование [7], в котором взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы (экономическая, политическая, социокультурная) равнозначны. Вся система регулируется сложной системой институтов, в которой можно выделить «ядро» – базовые экономические, политические и социокультурные институты, формирующие институциональную матрицу [8]. В ней одновременно присутствуют зародившиеся в глубокой древности и прошедшие долгий путь эволюции в соответствии с технологическими укладами два типа институтов, взаимодействующих между собой по принципу «доминантность –

компенсаторность» [9]: редистрибутивные и рыночные. Редистрибутивная модель предполагает институты редистрибуции (аккумуляции – согласования – распределения), общественно-служебную собственность, общественный/служебный труд, жалобы как институт обратной связи, унитарно-централизованное политическое устройство и элементы коммуитарного мировоззрения. Модель рынка – это отношения купли-продажи, частная/личная собственность, наемный труд, прибыль как институт обратной связи, федеративные начала государственного устройства, примат личности в основе мировоззрения [10].

Таким образом, фронтирные процессы можно рассматривать как взаимодействие институциональных матриц двух (или более) социальных систем. На примере Османской Венгрии выделим особенности динамики этого взаимодействия.

В течение XIV–XV веков христианский Запад столкнулся с серьезным вызовом – нашествием османов, стремившихся расширить свои территории с целью предоставления новых земель сипахам (составлявшим могущество армии), янычарам, многочисленным военным и гражданским служивым. Их главной целью была Вена, но на пути к ней располагалась Венгрия. Страна была ослаблена распрями между сторонниками короля, крупными феодалами, желавшими большей самостоятельности, и более бедным дворянством, объединившимся с зарождающейся городской буржуазией. Попытки решения кризиса за счет отмены налога на содержание армии и, как следствие, ее роспуска обусловили поражение Венгрии в столкновении с османами [11, p. 172].

Согласно договору между Венгрией и Австрией, в случае смерти венгерского короля Лайоша трон должны были унаследовать Габсбурги. Однако после его гибели часть венгерской знати отказалась признавать это соглашение и выбрала своим королем Яноша Запольяи. Таким образом, в результате раскола элит в течение последующих 150 лет Венгрия оказалась разделенной на три части: западные и северные районы (Королевская Венгрия) вошли в состав империи Габсбургов; центральные и южные области, включая столицу Буду, оказались под властью Османской империи; на востоке же образовалось княжество Трансильвания с Я. Запольяи во главе, платившее дань турецкому султану, но сохранявшее широкую автономию во внутренних делах.

Таким образом, *пре*-стадий формирования фронта является распад социальной системы вследствие как внешних (натиск сильного врага), так и внутренних причин (раскол элит, обусловивший ослабление государства и его неспособность противостоять вторжению) и возникновение пространственного контакта «центров силы». Фронтиризации подверглись как Королевская, так и Османская Венгрия, однако только в последнем случае имело место формирование цивилизационного фронта, особенности эволюции которого рассмотрим более подробно.

Первой стадией фронтиризации Маджаристана (турецкое название Османской Венгрии) стало формирование милитарного фронта, что выразилось в массовом перемещении населения из района между Веной и Будой. Это было обусловлено разрушениями, причиненными непрекращающимися стычками враждующих османов и венгров, эмигрировавших на сопредельные австрийские территории. Кроме того, Султан Сулейман взял почти 100 000 венгров – в основном, женщин и детей – и продал их в рабство в Стамбуле в качестве устрашения тем, кто будет сопротивляться османскому завоеванию [12, p. 239].

Второй стадией фронтиризации стало оформление административно-территориального деления по османскому образцу и установление особых военизированных форм управления. Новоприобретенные земли были разделены на два вилайета (провинции) – Буда и Темешвар. Позднее (в XVII веке) образованы два маленьких вилайета Эгер и Канижа. Буда, значительно превышавшая по размерам и численности населения другие провинции, была разделена на двенадцать санджаков. Каждым вилайетом руководил паша, а паша Буды являлся Верховным правителем Маджаристана [13, р. 42].

Османе построили иерархическую систему управления Венгрией, что соответствовало институциональной матрице Османской империи с доминирующими базовыми институтами редистрибутивного типа: Верховный правитель (представитель Султана в Маджаристане) – паша – управляющий санджаком бей – управляющие на местном уровне сипахи [13].

Наряду с указанным военным управлением, в Османской Венгрии существовала вторая ветвь власти, представленная Муфтием Буды и кади, которые следили за соблюдением законов шариата. Суд Муфтия Буды стал судом последней инстанции не только для местных мусульман, но и для венгров-католиков [14, р. 194]. Кади представляли османский закон на местном уровне, выступая как судьи для мусульманской и христианской общин.

Третья стадия фронтиризации – перенесение (трансплантация) на новые территории османских экономических институтов, в частности, внедрение тимарной системы [15]. Официально теперь все новоприобретенные земли принадлежали султану, который передавал их местным османам во временное пользование за несение государственной службы. При этом тимариот, получивший надел, являлся владельцем не территории, занимаемой деревней, и крестьян, населяющих данную деревню (в отличие от венгерской знати, османе не считали крестьян крепостными, предоставив им ограниченные права на свою землю, например, возможность передать ее своим наследникам); он становился получателем дохода от сбора налогов с крестьян этой деревни. В обмен на это тимариот, помимо несения воинской службы, осуществлял надзор за соблюдением правил землепользования, своевременным выполнением полевых работ и сбором налогов. В Маджаристане выделялись три типа земельных пожалований: самые крупные (составляли 20 % новоприобретенных территорий) – хассы с годовым доходом более 100 тысяч акче; средние (10 % новых земель) – зеаметы с годовым доходом от 20 до 100 тысяч акче; тимары (40 % новых территорий) с доходом менее 20 тысяч акче [16]. Большинство хассов владел султан, и доход от них поступал непосредственно в Стамбул. Остальными хассами владели паши и беи. Зеамет и тимар – пожалование небольшое, однако в дополнение к нему тимариот имел право на получение пахотных и сенокосных угодий в размере одного чифта (от 0,65 до 1,4 га, в зависимости от качества земли), использование приусадебного участка, общинного выгона, гумна и т. п. [16] Кроме того, он имел неперIODический доход в виде военной добычи.

Следует отметить, что сипахи и займы не считали свои земельные пожалования пожизненным источником дохода, их можно было отобрать в любое время. Вследствие этого местные османские правители были ориентированы на краткосрочную прибыль, их мало заботило состояние крестьян.

Установление тимарной системы обусловило полную эмиграцию венгерской знати на территорию, контролируемую Австрией.

Кроме того, Османская империя внедрила на территории Венгрии свою налоговую систему [12; 16]. Все немусульмане, владеющие более чем 300 акче собственности, должны были платить подушный налог. Кроме того, был введен налог на собственность (25 акче за каждую дверь каждого строения, которым они владели). Более того, крестьяне должны были платить натуральный налог на сельскохозяйственную продукцию (как правило, 1/30 всего урожая, но это число по желанию сипаха могло доходить до 1/10). В дополнение к этому османы могли начислять дополнительные налоги, в частности на овец и свиней, использование пастбищ и т. д. Кроме того, сохранилась десятина (10 % от общего объема производимой крестьянами сельскохозяйственной продукции), однако теперь она шла в османскую казну в Буде. Следует однако отметить, что некоторые венгерские экономические институты сохранились, в частности, освобождались от налогообложения те, кто не платил их и при венграх.

Важным шагом османов стала переориентация экономики. Наличие милитарного фронта практически полностью уничтожило производство зерна и виноделие. Однако османы внедрили в Венгрии животноводство, уделив особое внимание крупному рогатому скоту, налог на содержание которого был значительно ниже, чем для других домашних животных [16, р. 207]. Кроме того, остановилось почти все текстильное и ремесленное производство. Османы не были заинтересованы в его восстановлении. Вместо этого они завозили товары (до 88 % всего импорта) из других регионов Османской империи [17, р. 22].

Четвертая стадия фронтиризации – перестройка социокультурных институтов. Главной целью османов стала исламизация местного населения. Однако проводимая политика не позволила ее достичь. Вследствие внедрения тимарной системы венгерская знать полностью эмигрировала. Для крестьянства же внедряемые законы шариата были чужды. Не нашли поддержки для себя османы и в крупных городах, вынудив жителей немецкого или венгерского происхождения (которые составляли подавляющее большинство) покинуть их или жить за городскими стенами. Кроме того, чрезвычайно слабой была мусульманская община, состоящая, главным образом, не из турок, а из новообращенных боснийцев, не получавших значимые должности в империи и, следовательно, не стремящихся интегрироваться в имперское сообщество. Мусульмане Османской Венгрии существовали как имплантированный социум, почти полностью пространственно и культурно отрезанный от остального населения. Этими факторами объясняется тот факт, что массовой исламизации в Маджаристане не произошло. Тем не менее, изменения в религиозной жизни имели место: к началу XVII века до 90 % венгров, проживавших на территории Османской империи, обратились в ту или иную форму протестантизма [18, р. 94].

Таким образом, в Венгрии сложился социокультурный фронт. Тем не менее, он не был абсолютно непрозрачным. Венгры многому научились у турецких кожевников, гончаров и оружейников. Например, сапоги, вошедшие в состав венгерского национального костюма, – обувь турецкого происхождения. Кроме того, в венгерской вышивке и орнаменте можно увидеть турецкие элементы.

Пятая стадия – эрозия фронтирных признаков. Если этот процесс происходит достаточно интенсивно, охватывая все измерения, как это было, например, в случае завоевания Сибири Россией, фронт интегрируется в общестрановое пространство. Однако можно привести примеры цивилизационных фронтиров другого типа – с низкой скоростью эрозии фронтирных признаков. К их числу

следует отнести Османскую Венгрию. Характерные особенности подобных цивилизационных фронтиров: предполагается слияние институциональных матриц с различными доминирующими базовыми институтами; отсутствует эффективное управление, что обусловлено нежеланием встраивать новые институты в существовавшую ранее систему, учитывать местные особенности; имеет место имплантация одного социума в другой без межэтнической, социальной, конфессиональной миксации.

Процесс формирования нового социума в данных условиях приводит к нарастанию неопределенности, внутренней турбулентности. В Османской Венгрии ее признаками стали: необходимость чрезмерно большого войска для поддержания своей власти (к концу XVI века в османской армии служило 38 000 человек, из них – 25 000 в «фронтирной» Венгрии [19, р. 143–145]) при неспособности их содержания как центральной, так и местной властью; попытка решения данной проблемы путем предоставления тимаров наемникам за счет уменьшения земельных пожалований сипахам, что вызывало недовольство последних и отказ от службы. Усиление турбулентности привело к распаду войска, мусульманской общины и, в конце концов, зарождающейся социальной системы. Австрийцы вытеснили османов из Буды в 1686 г.

Таким образом, в эволюции цивилизационного фронта можно выделить следующие стадии: формирование зоны пространственного контакта (милитарного фронта); оформление административного-территориального деления по образцу титульного социума и установление особых военизированных форм управления; трансплантация экономических и социокультурных институтов; эрозия фронтирных признаков и дефронтиризация (либо распад зарождающейся социальной системы).

В заключение отметим, что формирование цивилизационного фронта в Венгрии оказало большое воздействие на развитие европейского континента, побудив к объединению. Европа, вышедшая из конфронтации XVI века с исламом, встала на путь политического, религиозного и культурного плюрализма.

Список использованных источников

1. *Turner, F. J.* The Significance of Sections in American History [Electronic resource] / F. J. Turner. – Mode of access: <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>. – Date of access: 15.01.2021.
2. *Billington, R. A.* America's Frontier Heritage / R. A. Billington. – University of New Mexico Press, 1975. – 320 p.
3. *Леваш, И. Я.* Культурное отчуждение и фронтиры: пропасти и мосты / И. Я. Леваш // Диалог культур в эпоху глобальных рисков / под ред. А. В. Данильченко. – Минск: РИВШ, 2016. – С. 193–196.
4. *Semple, E. C.* Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthro-geography [Electronic resource] / E. C. Semple. – Mode of access: <https://www.gutenberg.org/files/15293/15293.txt>. – Date of access: 15.01.2021.
5. *Замятина, Н. Ю.* Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах / Н. Ю. Замятина // Общественные науки и современность. – 1998. – № 2. – С. 75–88.
6. *Kopytoff, I.* The African Frontier: the Reproduction of Traditional African Societies / I. Kopytoff. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1987. – 213 p.
7. *Парсонс, Т.* Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. – М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 462–525.

8. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию / С. Г. Кирдина. – СПб.: Нестор История, 2014. – 468 с.
9. Polanyi, K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity) / K. Polanyi. – N.Y.: Academic press, 1977. – 280 p.
10. Борщ, Л. М. Концепция институциональной организации общественных отношений редистрибутивной и рыночной экономик / Л. М. Борщ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 8-1. – С. 144–151.
11. From Hunyadi to Rákóczi: War and Society in Late Medieval and Early Modern Hungary / Béla K. Király, János M. Bak (eds.). – N.Y.: Brooklyn College Press, 1982. – 545 p.
12. Bayerle, G. One Hundred Fifty Years of Frontier Life in Hungary / G. Bayerle // From Hunyadi to Rakoczi: War and Society in Late Medieval and Early Modern Hungary. – N.Y.: Brooklyn College Press, 1982. – P. 227–242.
13. Sugar, P. F. South Eastern Europe under Ottoman Rule. 1354-1804 / P. F. Sugar. – Seattle: University of Washington Press, 1977. – 384 p.
14. Agoston, G. Muslim Cultural Enclaves in Hungary Under Ottoman Rule / G. Agoston // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1991. – V. XLV. – P. 181–204.
15. Новичев, А. Д. К истории рабства в Османской империи. Система девширме / А. Д. Новичев // Тюркологический сборник 1976. – М.: Наука, ГРВЛ, 1978. – С. 88–108.
16. Kaldy-Nagy, J. The Administration of the Saniaq Registrations in Hungary / J. Kaldy-Nagy // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1968. – V. XXI. – P. 181–223.
17. Zimany, V. Economy and Society in Sixteenth and Seventeenth Century Hungary / V. Zimany. – Budapest: Akademiai Kiado, 1987. – 119 p.
18. Szakály, F. The Early Ottoman Period Including Royal Hungary (1526–1606) / F. Szakály // A History of Hungary / P. F. Sugar (ed.). – Bloomington: Indiana University Press, 1990. – P. 83–99.
19. Hungarian-Ottoman Military and Diplomatic Relations in the Age of Suleiman the Magnificent / Géza Dávid, Pál Fodor (eds.). – Budapest: Hungarian Academy of Science, Institute of History, 1994. – 210 p.

(Дата подачи: 01.02.2021 г.)

Д. В. Белявцева

Белорусский государственный университет, Минск

D. Bialiautsava

Belarusian State University, Minsk

УДК 323.174

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЦЕНТРОМ И РЕГИОНАМИ В УНИТАРНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

EVOLUTION OF RELATIONS BETWEEN THE CENTER AND REGIONS IN UNITARY STATES

Статья посвящена выделению современных направлений и форм развития отношений между центральной и региональной властью в унитарном государстве. Анализируются основные подходы к исследованию проблемы, сформулированные в теории федерализма, концепциях многоуровневого управления, регионализма и государственного строительства. Выявляются формы перераспределения управленческих полномочий